

Гарвардский проект:

рассекреченные
свидетельства
о Великой
Отечественной
войне

УДК 94(100)“654”
ББК 63.3(0)6
Г20

Публикация подготовлена в результате проведения исследования № 14-05-0036 в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2014–2015 гг., а также при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100»

Составление, общая редакция и вступительная статья
О. В. Будницкого и Л. Г. Новиковой;
перевод и примечания Л. Г. Новиковой, М. Байсвенгера,
Т. Л. Ворониной, В. Л. Гайдук, И. А. Махаловой, В. Л. Плещельман,
А. С. Реунковой и А. С. Чернявской

Г20 **Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне** / сост., общ. ред. и вступ. статья О. В. Будницкого и Л. Г. Новиковой. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – 493 с. : ил. – (История коллаборационизма).

ISBN 978-5-8243-2201-6

В 1950–1951 гг. исследователи из Гарвардского университета провели интервьюирование нескольких сотен послевоенных эмигрантов – бывших советских граждан. Они все еще находились в лагерях для перемещенных лиц на территории Германии. Исследователей интересовала социальная структура советского общества, настроения советских людей. Среди респондентов были рабочие и крестьяне, интеллигенты, бывшие офицеры Красной армии и участники коллаборационистских формирований, журналисты и управляющие предприятиями, лидеры национальных движений. Всех их объединяло одно – неприятие советской власти. Интервью брались на условиях анонимности, имена респондентов нигде не должны были фигурировать. Интервью записывались на английском языке. Их тексты сохранились в библиотеке Гарвардского университета. В настоящем томе впервые на русском языке публикуется часть интервью, посвященных периоду войны. Книга рассчитана как на специалистов, так и на всех читателей, интересующихся историей Великой Отечественной войны.

УДК 94(100)“654”
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-8243-2201-6

© Будницкий О. В., Новикова Л. Г.,
составление, вступительная статья, 2019
© Политическая энциклопедия, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Будницкий О.В., Новикова Л.Г. Великая Отечественная война: взгляд с «другой стороны»	5
Немцы в Крыму (интервью 7)	27
Сельскохозяйственная политика на оккупированных территориях (интервью G-2)	29
Донские калмыки под оккупацией (интервью 15)	41
Русская деревня под немецкой властью (интервью 20).....	45
Калмыкия под немцами (интервью 22)	49
Одиссея комсомольца-калмыка (интервью 23)	51
Придонье под немецкой властью и судьба военнопленного (интервью 27)	56
Смоленщина под оккупацией (интервью 30)	62
Война в кубанской станице (интервью 32).....	70
Парень из Винницы (интервью 33).....	78
Как белорусские крестьяне землю делили (интервью 46)	83
У истоков РОА (интервью 55)	87
Будни Харькова под оккупацией (интервью 59)	91
Освобожденные области СССР: что увидела Красная армия? (интервью 64)	98
Лица российского коллаборационизма (интервью 67)	104
Калмык-эмигрант на службе у немцев (интервью 76)	121
Эмигрантские организации нерусских народов (интервью 78)	140
Как кавказцы от немцев независимости ждали (интервью 81).....	142
Северный Кавказ под немецкой властью (интервью 89).....	161
Война и церковное возрождение (интервью 96).....	169
Национальные повстанцы в горных районах Кавказа (интервью 101)	175
Хозяйственная жизнь в Поднепровье (интервью 102).....	178
От краснофлотца до финского диверсанта: судьба «капитана Орлова» (интервью 105)	189
Крымские татары «между Сциллой и Харибдой» (интервью 106) ...	202
Похождения электрика из Херсона (интервью 121).....	223

Судьба татарина-военнопленного (интервью 122)	238
В рядах Азербайджанского легиона (интервью 135).....	245
Практики советской репатриации (интервью 138)	252
Как белорусские колхозники под немцами жили (интервью 141)....	256
Война на Орловщине (интервью 143)	263
Московская паника осени 1941-го (интервью 144)	275
На службе в немецкой разведке (интервью 147)	281
В рядах азербайджанских эмигрантов (интервью 160)	286
Офицерская школа РОА (интервью 175)	292
Осетины под немецкой властью (интервью 182).....	298
В рядах Осинторфской бригады (интервью 219).....	312
От советского ополченца до члена УПА (интервью 314)	324

Примечания	331
Указатель организаций	472
Указатель имен	476
Сведения о публикаторах	490

НЕМЦЫ В КРЫМУ (ИНТЕРВЬЮ 7)¹

Дата интервью: 28 сентября 1950 г.

В период немецкой оккупации я, как и до войны, работал судовым механиком на Черном море. Мы ходили в рейсы из Севастополя в Одессу, Ялту и др. В команде у нас все были русские, и немцы нам не доверяли. Как там складывались отношения с немцами на более высоком уровне – я не знаю. Но в личном общении кое-кто из немцев вел себя вполне доброжелательно.

Мы заходили в немалое число портов, но самые лучшие условия жизни я видел в Одессе. Она находилась в то время под румынской властью, и там всюду шла свободная торговля².

На борту у нас всем заправляли немцы, и если кто не выполнял их приказов, то это ничем хорошим не кончалось. Мы уже стали понимать, что немцы, очевидно, проиграют войну. Однако отказ работать на них грозил обернуться заключением в лагерь, и нам ничего не оставалось, как продолжать службу. При немцах паек корабельных команд был лучше, чем при советской власти; в целом было больше всяких продуктов. Многие из нас даже приторговывали потихоньку на черном рынке.

В отношении крымских татар ходили разговоры, что те массово дезертировали с фронта. Я даже слышал, что они направили к немцам особую делегацию, но те ее арестовали. В целом же немцы предпочитали иметь дело с татарами, выделяя их перед русскими. Немцы также создавали охранные батальоны [Schutzbataillons]³, солдаты которых были одеты в темно-синюю форму – наподобие той, что была у ОТ⁴. Действовали эти батальоны, в первую очередь, против партизан.

Некоторые из членов нашего экипажа были решительно настроены против немцев, но, конечно, открыто выразить свои взгляды они не могли. В первую очередь это касалось бывших комсомольцев. Поначалу – накануне прихода немцев – коммунисты массово покидали наш район. Но позже кое-кто из них вернулся и начал налаживать партизанскую работу.

В октябре–ноябре 1943 г. Красная армия заняла Перекоп, а потом взяла и Николаев⁵. Но немцы продолжали удерживать Крым. Впрочем, в мае 1944 г. Крым также был захвачен Красной армией. Немцы отправили наш корабль в Констанцу⁶. На переходе мы попали под сильную бомбежку – повсюду падали советские бомбы, и было много погибших. В целом румыны обращались с нами плохо.

В Симферополе и Севастополе имелись отряды русских хиви⁷. Среди наших многие поддерживали Власова⁸, хотя никакой возможности вступить во власовские части у нас не было. Он спас миллионы военнопленных. Впрочем, многие размышляли так: зачем вступать в РОА?⁹ На исход войны это в любом случае уже никак не повлияет. Потом, уже в Будапеште, я разговаривал с членами РОА и спрашивал их: «На что вы рассчитываете? Американцы разбомбят здесь все к чертям, и что вы потом будете делать?».

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (ИНТЕРВЬЮ G-2)

Даты интервью: 17 и 19 февраля, 1951 г., Штутгарт.

(Информант – доктор Отто Шиллер – бывший атташе Германии по вопросам сельского хозяйства в Москве, позднее занимал руководящие посты, сыграв значительную роль в разработке германской сельскохозяйственной политики на оккупированных советских территориях. В настоящее время – профессор в сельскохозяйственном институте в Хоэнхайме¹.)

В мае 1941 г. ОКВ² (в лице Лахузена³) обратилось к Шиллеру, Маркерту⁴ и Оберлендеру⁵ с просьбой разработать план будущей сельскохозяйственной политики на Востоке. Однако выдвинутые ими предложения тогда не были приняты во внимание. Вместо них за основу была взята позиция (предложенная Бакке⁶ и другими), суть которой сводилась к интенсивной экономической эксплуатации оккупированных районов. Бакке настаивал на том, что не следовало распускать колхозы. Индивидуальные крестьянские хозяйства, как считалось, были бы слишком разнородны и разрознены, чтобы можно было осуществлять над ними эффективный контроль. К слову, немецкие управленцы на местах также пришли к выводу, что колхозы являются идеальной формой организации, позволяющей беспрепятственно выкачивать из деревни сельскохозяйственную продукцию.

В августе 1941 г. (после созыва комиссии по делам России при Министерстве иностранных дел⁷) Шиллера попросили прислать обновленные предложения, и в итоге в октябре он представил свой план на съезде немецких руководителей сельского хозяйства. Единственным, кто в тот момент поддержал Шиллера, оказался руководитель сельскохозяйственной политики на участке «Центр» Вагнер⁸. Это был человек весьма средних способностей, который, впрочем, находился под влиянием доктора Рихарда Ваймерта⁹, имевшего вполне разумные взгляды. Однако решающее слово тогда вновь

осталось за Бакке, который не поддержал план Шиллера, и в итоге тот был отвергнут.

Начальником Шиллера являлся Рике¹⁰, который первоначально, скорее, разделял взгляды Бакке. Но затем, проехавшись несколько раз вместе с Шиллером по оккупированным районам, он начал склоняться к позиции Шиллера. Поэтому последнему было предложено составить новый меморандум к следующему съезду руководства сельским хозяйством, и на этот раз Рике поддержал его предложения. В поддержку Шиллера в декабре 1941 г. высказался и Кёрнер¹¹, после того как имел продолжительную беседу с Шиллером во время их автомобильной поездки из Ровно¹² в Краков.

Шиллер настаивал, в частности, на том, что в долгосрочной перспективе немецкий контроль над сельским хозяйством следовало свести лишь к самому общему регулированию. Он полагал, что немцам ни в коем случае не стоило ввязываться в непосредственное управление на разных уровнях. «Подобно британцам в Индии, – утверждал он, – немцам следовало избегать того, чтобы огромный чиновничий аппарат бецельно увяз в мелочном управлении сельским хозяйством в России. Помимо всех прочих трудностей, такие действия грозили бы усилить недовольство оккупационной политикой со стороны населения».

Частью такого подхода стало выдвинутое Шиллером положение об объединении земледельческих кооперативов (иными словами, колхозов, переименованных в общины) в так называемые опорные пункты. Шиллер оставил открытым вопрос о том, что с ними будет в дальнейшем. Их последующая судьба должна была зависеть от того, насколько успешно коллективные хозяйства смогут на практике конкурировать в сельской экономике с частным сектором. Система опорных пунктов мыслилась как некое подобие румынской практики создания округов: там должно было содержаться лучшее поголовье скота, хранились бы запасы зерна и специальное оборудование и т. д. Именно опираясь на такие пункты, по предложению Шиллера, немцы должны были осуществлять свой контроль. Кёрнер (как, по-видимому, и Рике) неверно понял, что именно предлагал Шиллер со своим планом. В итоге они оба поддержали его, думая, что предполагаемый немецкий контроль посредством опорных пунктов означал создание сети крупных немецких землевладений – «*Deutscher Großgrundbesitz in der Ukraine*»¹³, находящихся в окружении других хозяйств, на которых трудилось бы местное население.

16 декабря 1941 г., на следующем съезде сельскохозяйственных руководителей, Шиллер представил еще один измененный план. Согласно новым поправкам, вместо предлагавшейся изначально

передачи в общей сложности четверти колхозных земель в частное пользование, объявлялась полная «реприватизация» сельскохозяйственных земель. При этом подразумевалось, что уже в течение первого года в частное пользование крестьянам будет передано 10% земель. Планы по созданию опорных пунктов дальнейшего развития не получили. При обсуждении нового варианта плана Бакке вначале высказался категорически против этих положений. Но потом он уступил – после того, как Кёрнер с энтузиазмом стал рассказывать о блестящих перспективах, которые открывались благодаря программе «опорных пунктов». Затем Шиллер (в качестве эксперта по аграрным вопросам) и Шеффолт (занимающийся правовыми аспектами; сейчас в Тюбингене) составили пояснение к предлагаемому аграрному проекту. Когда документ был готов, план передали Розенбергу¹⁴, а после его утверждения – Гитлеру.

Пока велись все эти обсуждения, гауляйтер Кох¹⁵ (из Рейхс-комиссариата Украина¹⁶), узнав о плане Шиллера, примчался самолетом из Ровно в Берлин, чтобы выразить свой категорический протест. Последовало совещание с Розенбергом и Кохом, на котором также присутствовал Шиллер. Кох казался очень раздраженным и резко протестовал против «раздела земель, завоеванных кровью немецких солдат». Розенберг, как всегда, оказался не в состоянии убедительно возразить Коху. Когда у Коха спросили, что он может предложить взамен, тот выдвинул собственные контрпредложения. Хотя он и попытался изобразить все так, как будто его положения «соответствуют желаниям населения», в сущности, его план предполагал сохранение колхозов без каких-либо изменений. Единственной уступкой местному населению, которую готов был сделать Кох, дать ему право избирать глав местного самоуправления, то есть старост¹⁷ и бургомистров¹⁸. Что касается плана Шиллера, то из всех его пунктов Кох согласился только на увеличение размеров приусадебных участков до одного гектара.

15 февраля 1942 г. прошло окончательное совещание с участием Гитлера, Кейтеля¹⁹, Гимmlера²⁰, Розенберга, Ламмерса²¹ и Рике. Гитлер внимательно прочитал план, изучив его параграф за параграфом, а затем ознакомился с контрпредложением Коха. Ко всеобщему удивлению, Гитлер согласился с планом Розенберга, поиздевавшись при этом над «программой выборов», предложенной Кохом. Но тут неожиданно с возражениями выступил Гимmlер: ему не понравилось, что к землям, передаваемым крестьянам, применялся термин «собственность». Он утверждал, что до окончания войны земли можно давать лишь «в пользование» и не более того.

В итоге принятое аграрное постановление оказалось компромиссным. Кроме того, было решено не издавать в связи с этим специальный указ, а просто оповестить население о содержании постановления в устных объявлениях. Также было принято решение опубликовать в самой Германии подробное разъяснение по данному вопросу. В результате Шиллер подготовил специальную статью, которая 16 февраля 1942 г. была опубликована в «Фёлькишер беобахтер»²² за подписью Рике, очевидно, для придания ей большего веса.

После того как постановление было принято, встал вопрос о разработке инструкции о порядке его исполнения. При этом на местах гражданская администрация была недовольна тем, что Берлин не считался с ее мнением при разработке политического курса.

Шиллеру было поручено следить за исполнением постановления и, в частности, взять под свой контроль положение дел на Украине. В итоге он отправился в Киев, где должен был сотрудничать сразу с четырьмя различными структурами: (1) Особым штабом по аграрной политике – Экономическим штабом «Восток»²³; (2) Имперским министерством оккупированных восточных территорий; (3) Экономической инспекцией «Юг» – Украина²⁴ и (4) Рейхскомиссариатом Украина. Шиллер представил свой план Коху и не без определенных усилий сумел добиться от последнего согласия на то, чтобы приступить к его осуществлению.

В областях к северу от Украины («Центр») доктор Ваймерт, в свою очередь, выпустил совершенно иные инструкции о порядке осуществления аграрного постановления. Он поддерживал скорейший и полный роспуск колхозов и противился учреждению сомнительных, с его точки зрения, земледельческих кооперативов. На участке «Север» реприватизация, помимо Балтийских стран, охватила лишь Псковскую область СССР. Там всем заправлял барон Врангель²⁵, и он по большей части следовал инструкциям Ваймерта.

Ваймерт всячески пытался ускорить роспуск колхозов в центральных областях (в Белоруссии и части РСФСР). Когда один местный хозяйственный руководитель отказался следовать его указаниям [в Гомеле? – *Вопрос инт.*], Ваймерт в итоге просто сместил его с должности. К осени 1942 г. ему удалось добиться желаемого. Результатом стало то, что повсюду наблюдался переход к примитивным способам хозяйствования – возродилась чересполосица, сельский мир и т. д. С точки зрения экономического развития результат был поистине чудовищным, но этот шаг, конечно, имел постряссающий психологический эффект.

Тем временем стала проводиться в жизнь своего рода новая стóлыпинская реформа. Крестьяне-хуторяне, чьи хозяйства оказались

объединены в колхозы в период коллективизации в 1930–1933 гг., теперь снова начали выделяться и выезжать на хутора. Порой крестьянские избы буквально разбирали по бревнышку и по частям вывозили из села.

Спустя какое-то время встал также вопрос о том, что делать с Северным Кавказом. Уже изначально в немецком руководстве существовало понимание того, что здесь необходимо применить особый подход. В октябре 1942 г. Шиллер отправился туда в составе экономической инспекции «Кавказ» и уже спустя несколько дней набросал проект новых аграрных законов для Кавказа. Представители военного командования, которым он направил свой проект, вначале пришли в недоумение и решили уточнить, что думают по этому поводу в Берлине. Однако оттуда пришел ответ, что Шиллеру даны все полномочия оповещать население о разработанных им законах.

Постановления, касавшиеся Северного Кавказа, отличались от других немецких аграрных законов тем, что здесь скотоводческие районы получали особый, привилегированный статус. Если, например, даже в отношении степных районов, как и в отношении других оккупированных советских территорий, так и не было принято решения о полном роспуске колхозов, то в отличие от них, в скотоводческих районах, как то в Карачае²⁶, было решено провести полную реприватизацию. Наиболее ярко эта политика, целью которой было склонить население на сторону немцев, выразилась в церемонии освобождения, которая состоялась у подножья горы Эльбрус 16 октября 1942 г. в день празднования мусульманского праздника Байрам²⁷. На этой церемонии генерал Кёстринг²⁸ зачитал по-русски обращение к населению, а представители местной администрации, в свою очередь, выстроили перед немцами карачаевский добровольческий отряд.

В целом политику немцев на Кавказе отличала бóльшая продуманность и рациональность. Среди представителей оккупационной администрации чувством здравого смысла выделялся, в частности, барон Ган²⁹, позже ставший помощником Шиллера [сейчас он находится в Канаде. – *Примеч. инт.*]. Фельдмаршал Клейст³⁰ также демонстрировал вполне человеческое отношение к делу. Экономическая инспекция «Кавказ», помимо прочего, учредила самоуправляющуюся область в одном из казачьих округов [на Кубани? – *Вопрос инт.*], где также действовало экономическое самоуправление по образцу Каминского³¹.

Украина, в свою очередь, все время оставалась наиболее проблемным регионом, где изменения шли самыми медленными темпами. Эффективность управления там нарушали нескончаемые разногла-

сия между Шиллером, Кохом и Кёрнером. Кёрнер, по сути, советовал чиновникам саботировать инструкции Шиллера. Но кое-кто из представителей местной администрации, тем не менее, поддерживал политику роспуска колхозов. В ряде областей (например, в Транснистрии³²) вводилась в действие система, где основной хозяйственной единицей стала группа из десяти крестьянских дворов. Шиллер в принципе допускал создание таких хозяйств в качестве необходимой временной меры, вызванной нехваткой лошадей и крупного рогатого скота: остававшийся на местах немногочисленный колхозный скот просто невозможно было бы разделить поровну между индивидуальными хозяйствами. Однако некоторые представители администрации восприняли эту меру так, что якобы все колхозы теперь обязательно надо было разделить на «десятки». В политическом отношении эффект от такой политики оказался самым негативным: по сравнению с полной реприватизацией, которую ждало население, эти действия выглядели как сознательный саботаж.

Существовавшие на местах значительные расхождения в хозяйственной политике были связаны, в первую очередь, с позицией самих местных сельскохозяйственных руководителей. Некоторые из них торопились с полным и окончательным роспуском колхозов, другие искали половинчатые решения, в то время как третьи пытались не допустить какого-либо раздела колхозных земель.

Но даже и те районы, где были образованы «десятки», показали некоторую положительную динамику. В каких-то районах, где хозяйственные руководители затягивали принятие решений, агрономы за их спиной втихомолку намекали крестьянам, что все равно можно продолжать раздел. На удивление часто можно было встретить такую ситуацию, что немецкие хозяйственные руководители не имели ни малейшего представления о том, что в действительности происходило на подконтрольной им территории. Шиллер специально объезжал оккупированные районы, чтобы изучить существующие там хозяйственные практики. Неоднократно он убеждался в том, что немцы совершенно не знали, чем на самом деле занимаются крестьяне.

В каких-то районах хозяйственные руководители по собственному усмотрению приказывали распускать колхозы. Например, Кёрнер во время одной из своих инспекционных поездок обнаружил, что в районе Белой Церкви³³ все колхозные земли были поделены между крестьянами. Он вызвал к себе Шиллера и обрушился на того с резкой критикой. Его речь напоминала прежнюю тираду Бакке, указавшего Шиллеру, насколько опасен был даже частичный раздел земель: «eine Lawine, die nicht aufzuhalten ist»³⁴.

В действительности же, как только землю возвращали крестьянам в частное пользование, тут же наблюдался небывалый всплеск предприимчивости – крестьяне даже брались чинить избы и красить заборы.

К 1943 г. большинство хозяйственных руководителей стало склоняться к позиции Шиллера. И они дружно снабжали Кёрнера дезинформацией. Согласно официальным предписаниям, в том году наступал второй этап, когда крестьянам в частное пользование следовало передать очередные 10% земель. В действительности же раздел приобрел намного более широкий размах. По оценкам Шиллера, к весне 1943 г. было поделено не меньше трети, а к концу года – около половины всех колхозных земель (если брать территорию к западу от Днепра).

Летом 1943-го было принято второе аграрное постановление, говорившее о восстановлении частной собственности³⁵. В значительной мере оно было вызвано изменившейся военной и политической обстановкой. В тот момент Розенберг тоже поддержал приватизацию земель, поскольку постановление затрагивало также и Балтийский регион. Розенберг устроил дело так, чтобы это постановление было обнародовано в его личном присутствии, и после этого отправился в свою знаменитую поездку по Украине³⁶. Кох тогда настоял, чтобы Шиллер тоже участвовал в этой поездке, и попытался расположить его к себе. Очевидно, Кох опасался, что в Берлине уже перестают ему доверять. Но в итоге вся поездка завершилась скандалом с участием Розенберга и Коха. Недалеко от Винницы автоколонна остановилась, чтобы осмотреть несколько деревень. Присутствовавшие там Розенберг, Заукель³⁷, Кох и еще несколько гауляйтеров изучали карту, в то время как Шиллер рассказывал им о планах раздела земель. Внезапно Кох вспыхнул и в ярости завопил на всю улицу (не стесняясь присутствием русских крестьян), что все происходившее является «саботажем приказа фюрера», поскольку во владение домохозяйств должно было перейти не более чем по гектару земли. Ко всему прочему, добавил он, землей на Востоке предстояло обеспечить двести тысяч немцев. Шиллер попытался ему возразить, говоря, что нынешний план основан на инструкции, которую сам же Кох и подписал годом ранее. Розенберг тем временем сохранял молчание, как обычно испугавшись излияний Коха. В итоге все превратилось в долгий спор, и поездку пришлось прервать. Как выяснилось, Кох хотел потом в отместку отправить Шиллера в концентрационный лагерь. Поэтому Рике пришлось срочно отозвать Шиллера из Украины, где всем управлял Кох, чтобы он не попал к тому в руки. Позже Шиллер перешел под начальство к Козерицу, то есть под военную юрисдикцию.

Второе аграрное постановление было издано слишком поздно, чтобы иметь хоть какое-то влияние. Но в любом случае для самого населения наиболее важным вопросом было то, каким образом изымалась сельскохозяйственная продукция. По убеждению Шиллера, в оккупированных областях ни в коем случае нельзя было следовать принципу «тотальной мобилизации» и «тотального изъятия» продуктов, который применялся на некоторых других территориях. Против этого можно было выставить то возражение, что в тот момент, когда немецкие крестьяне должны были сдавать всю произведенную ими продукцию, было бы несправедливо, если бы русские крестьяне оказались по сравнению с ними в лучших условиях. Но Шиллер со своей стороны утверждал, что, как показал советский опыт, намного эффективнее было определить точную норму сдачи сельхозпродукции и разрешить крестьянам оставлять себе все, что они производили сверх этой нормы. Лучшим способом привлечь на свою сторону крестьян было бы сказать им: вот вам ваша земля и все, что вы произведете сверх установленной нормы, будет принадлежать вам. Шиллер пытался определить нормы сдачи продукции в расчете на гектар земли. Но для этого ему приходилось лично объезжать чуть ли не всех местных хозяйственных руководителей, чтобы заручиться их поддержкой.

Другой проблемой, вызывавшей серьезные конфликты, была поселенческая политика на Украине. Ставка Гитлера находилась тогда около Винницы³⁸. И как-то раз Гиммлер, прогуливаясь в окрестностях Житомира³⁹, заметил, что «здесь должна звучать только немецкая речь». Его услужливые помощники восприняли эти слова как указание к действию и занялись расселением немцев на этой территории. Шиллер громко протестовал. Он подчеркивал, что в той области население только-только успело поделить колхозные земли и передать их крестьянам в постоянное пользование и что в тех обстоятельствах совершенно невозможно было начать вновь изгонять крестьян из их деревень. Но несмотря ни на что Управление СС (проф. Майер⁴⁰) в ноябре 1942 г. с крайней бесцеремонностью выдворило из домов население семи деревень и расселило там волыньских немцев⁴¹. Условия жизни новоприбывших были просто ужасающими: переселенцам не выдали ни сельскохозяйственных орудий, ни даже топлива. Такую же систему к тому моменту уже опробовали в Калиновке, где была организована область расселения № 1⁴². Когда немецкая армия стала отступать, из Запорожской области эвакуировали гальштадтских немецких меннонитов⁴³ и расселили их в конце 1943 г. в районе Кронау⁴⁴. В этом случае Шиллеру все же удалось добиться того, чтобы полдеревни оставили за украинцами. Впрочем, не успели

немецкие поселенцы обосноваться на новом месте, как советские войска прорвались к Никополю⁴⁵, и им вновь пришлось подниматься и отходить дальше на запад. Потом они перебрались в Калиновку и наконец в декабре 1943 г. оказались в Лодзи⁴⁶. В итоге удалось вроде бы договориться с СС, что политика создания немецких поселений будет свернута. Но в СС тут же это соглашение нарушили.

Что касалось интересов самого населения, то Клейст и Манштейн⁴⁷ понимали их, вероятно, лучше, чем другие немецкие генералы. Клейсту в особенности этого многие не могли простить в годы войны. Так, отчасти следуя предложению Бройтигама⁴⁸, в 1943 г. Клейст приказал распустить половину всех колхозов в Крыму. У Клейста имелся определенный опыт в сельскохозяйственном деле, поскольку он сам был владельцем имения в Силезии. Тем временем его сын, служивший во время войны офицером в Крыму, попробовал наладить там производство шелка. Офицером связи [Verbindungsoffizier] Восточного министерства на Кавказе являлся Бройтигам. Доктор Фаатц⁴⁹, как и Лейббрандт⁵⁰, был из черноморских немцев⁵¹. Он представлял собой типичного дельца, не слишком способного к научной работе. Какое-то время он проработал в Киеве под началом Шиллера, но умудрился проявить себя так, что Шиллер в конце концов его выгнал. Например, при посещении крестьянских хозяйств он задерживался там только в том случае, если там можно было хорошо поесть. После этого Фаатца отправили в экономическую инспекцию Кавказ, откуда его тоже позже выставили. В конце концов он погиб в бою на Восточном фронте.

Под началом у князя Рёйсса⁵² служил штат сотрудников, довольно интересных по своему составу. Они занимались анализом информации, связанной с Советским Союзом, причем анализ этот проводился на серьезном уровне и был нацелен на более долгосрочные перспективы. Среди его сотрудников был Эрт⁵³, русский немец, ранее работавший в Анτικοинтерне⁵⁴.

Мнение Розенберга по восточному вопросу можно понять, лишь учитывая то, что в целом его позиции были довольно слабыми. Поначалу Шиллер, как и многие другие, видел в Розенберге злого гения среди нацистского руководства. Его идеи о России, включенные Гитлером в «Майн Кампф», представляли собой типичный пример нетерпимости и миссионерства в худших традициях балтийского немецкого дворянства. Но вскоре я понял, что Розенберг не имел совершенно никакого влияния на решение ключевых политических вопросов. В ходе всей Восточной кампании он виделся с Гитлером всего несколько раз. Часто принятие решений первоочередной важности

откладывалось на много месяцев, поскольку Розенберг никак не мог добиться их утверждения у высшего руководства.

Кто же в таком случае был тем самым злым гением, по чьей воле отвергались или искажались до неузнаваемости наиболее существенные предложения специалистов? Нас все время терзал этот вопрос. И лишь в самом конце войны Шиллер наконец понял, что эту роль играл Мартин Борман⁵⁵, который, в свою очередь, был обязан своими идеями о политике в России Эрику Коху. Что касается Коха, то, в первую очередь, он являлся партийным функционером. Он даже просил Шиллера, чтобы тот в общении с ним называл его «гауляйтер», а не «рейхскомиссар». Борман и Кох были друг с другом «на ты». Как руководитель Партийной канцелярии Борман являлся начальником Коха и одновременно находился в прямом подчинении у Гитлера. В итоге хотя Кох и являлся подчиненным Розенберга по линии Восточного министерства, он мог действовать и нередко действовал в обход Розенберга, обращаясь напрямую к Гитлеру через Бормана и по партийным каналам. В особенности когда полевая ставка Гитлера располагалась в Виннице, Кох нередко лично к нему заходил.

Что касается идей самого Розенберга, которыми он часто делился с Шиллером и другими собеседниками, то их можно свести к двум основным положениям. Он хотел 1) расчленить Советский Союз на ряд более мелких национальных государств и 2) удерживать под контролем эти мелкие государственные единицы, чтобы обеспечить Германии устойчивое господство на Востоке. Во всех остальных отношениях Розенберга можно было считать одним из наиболее порядочных немецких политиков, в частности, что касалось политики в отношении населения восточных территорий. Нам не составило большого труда убедить его в правильности части тех политических решений, которые мы отстаивали.

Учитывая все вышесказанное, Кох просто не мог не сделаться заклятым врагом Розенберга. Можно привести множество примеров того, как проявлялась их вражда. Однажды в 1943 г., во время поездки Розенберга по Украине, он решил посетить одну из вновь открывшихся церквей. Перед церковью собралась толпа крестьян, чтобы по традиции с «хлебом и солью» встретить Розенберга – «министра освобожденных территорий». Кох узнал об этом и устроил все дело так, чтобы машина Розенберга подъехала с другой стороны. Потом он быстро завел его в церковь и позже так же быстро вывел, чтобы тот не смог увидеть и поприветствовать собравшихся.

Геринг, если не считать первых месяцев кампании на Восточном фронте, активного участия в обсуждении восточного вопроса не принимал. Большей частью он поручал решение тех вопросов,

которыми должен был заниматься, Кёрнеру, Крауху⁵⁶ и доктору Бергману⁵⁷. (В 1942 г. Кёрнер, в частности, предпринял долгую поездку по Украине.) Управление по четырехлетнему плану деятельно участвовало в рассмотрении восточного вопроса только в ходе регулярных конференций, на которых обсуждались проблемы всех оккупированных территорий – и западных и восточных – и которые проходили под председательством Геринга в Берлине. На них Геринг обычно объявлял тоном, не терпящим возражений, какой вклад должна внести та или иная территория. В целом его представления сводились к тому, что «Im Osten braucht keine Rücksicht auf die Bevölkerung genommen werden»⁵⁸. В ходе обсуждений нередко случалось так, что представители администрации западных оккупированных территорий заявляли, что их районы не могут выдать столько продукции, сколько требовал четырехлетний план. В таких случаях неизменно следовало предписание выкачать недостающую продукцию с оккупированных советских территорий. Всем было известно изречение Геринга: «Wenn irgendwo gehungert wird, denn nicht bei uns»⁵⁹.

По существу, эту же позицию разделял и Заукель. Что касается отправки рабочей силы в Германию, то надо принимать во внимание, что поначалу вся система основывалась на добровольных началах. Вы попробуйте себе представить, что это значило для советских юношей и девушек – вдруг получить шанс отправиться за границу. К слову, кое-кто из сотрудников немецкой оккупационной администрации использовал ситуацию в своих личных интересах: один местный комиссар, у которого было имение в Померании, отправил туда работать троих парней. Его жена обустроила их там самым надлежащим образом. Если бы сохранялась добровольная система набора, то я уверен, что нашлось бы немало желающих уехать, особенно учитывая тяжелое материальное положение в городах.

В украинской полиции среди сотрудников имелись большевистские агенты. Они специально придирались к населению по малейшему поводу, творили произвол и насилие. Идиоты из числа СС верили, что все это по делу, и с энтузиазмом поддерживали творимую вакханалию, которая была чистойшей провокацией – и с точки зрения первоначальных намерений, и в отношении последовавших результатов.

Система опорных пунктов, намеченная аграрным постановлением 1942 г., так и не была воплощена в жизнь. Позже все же были созданы отдельные опорные пункты, служившие низшим звеном немецкого механизма контроля – это были так называемые крайсландвирты⁶⁰, каждый из которых контролировал несколько хозяйств.

Шиллер полагает, что официальная немецкая статистика в отношении реквизированного у населения зерна и других продуктов в значительной мере является достоверной. Конечно, на низовом

уровне имели место поборы с населения и произвольные реквизиции, которые не попадали в официальную статистику. Но хотя время от времени крестьянская курица и оказывалась в кастрюле у немецких солдат и хотя подобные случаи, вероятно, вызывали недовольство у населения, в статистическом выражении это были довольно незначительные величины в сравнении с общими объемами изымаемой в пользу немцев сельскохозяйственной продукции. Система сельскохозяйственного учета оказалась в конечном счете достаточно эффективной. ЦТО⁶¹ создало разветвленную агентскую сеть и вело бухгалтерский учет продукции на всей территории вплоть до прифронтовой полосы. Они выдавали крестьянам реквизиционные расписки и квитанции, по которым те могли потом получить оплату. (Конечно, не являются выдумкой и такие случаи, когда военные, конфискуя у крестьян домашний скот и птицу, выдавали им «квитанции», где было написано: «Leck mich am Arsch»⁶². И потом доверчивые крестьяне несли эти «квитанции» чиновникам, рассчитывая получить по ним деньги.)

В тех районах, где не было партизанского движения, население не слишком сильно страдало от самовольных конфискации, свидетельством чему был очевидный рост благополучия крестьянских хозяйств. Например, в сравнении с довоенным временем наблюдатели с удивлением подмечали, что в украинских селах неожиданно выросло поголовье гусей. Правда, стоит отметить, что и количество немецких войск, размещавшихся на этой территории, также было сравнительно небольшим.

Система поощрений и премий, полагавшихся за перевыполнение плана, хорошо работала на участке «Центр», однако на Украине она имела лишь ограниченное применение. Главной причиной было то, что здесь не хватало товаров, которые можно было выдавать в качестве премий. Но все же в теории система поощрений была замечательным способом, позволяющим стимулировать более полный учет и сдачу продукции.

Эксперимент Каминского, хотя нередко его проведение «оправдывали» именно как средство борьбы с партизанами, был вполне успешен и с точки зрения экономического управления: он показал, что сотрудники Каминского собирали у крестьян сельскохозяйственную продукцию более эффективно, чем немецкие управляющие.

(Информант передал интервьюеру два документа, подготовленных в 1944 г. сельскохозяйственным отделом штаба армии. В них кратко описывалось положение на Украине, чтобы принять эту информацию к сведению в случае повторной оккупации этой территории.)

ДОНСКИЕ КАЛМЫКИ ПОД ОККУПАЦИЕЙ (ИНТЕРВЬЮ 15)

Дата интервью: 1 октября 1950 г. (сокращенная версия интервью)

Территория Калмыкии находилась под немецкой оккупацией с августа по декабрь 1942 г.¹ Калмыки в целом были настроены против советской власти и поэтому рады были поддержать кого угодно, кто изгнал бы большевиков. Каких-либо особых симпатий именно к немцам калмыки не испытывали, поскольку немцев они не знали. За несколько дней до начала войны я выписался из больницы и вернулся домой. Многие полагали тогда, что немцы Красную армию разобьют, а кое-кто из калмыков уже начал поговаривать о восстановлении царизма. Когда пришли немцы, нам разрешили отмечать религиозные праздники и соблюдать традиционные обряды открыто и со всей подобающей торжественностью. Было дозволено открывать в станицах хурулы² (гэгэн)³. Теперь можно было проводить и краевые религиозные собрания, что при советской власти представлялось невозможным при двум причинам: 1) работа в колхозе была настолько тяжела, что не оставляла ни капли свободного времени; 2) у населения не было права свободно перемещаться по территории края.

После прихода немцев главной заботой местного населения было как можно скорее избавиться от колхозов. Народ разобрал по домам лошадей, оставшихся после ухода советской власти, а также телеги и сельскохозяйственные орудия. Подбирали и оставленное оружие. Когда же немцы не стали объявлять о распуске колхозов, это немедленно вызвало рост недовольства. В целом под оккупацией работать приходилось так же, как и раньше. Хотя немцы и издали приказ о возвращении в колхоз растащенного имущества, каждый продолжал тянуть себе, что мог⁴. Многие калмыки, призванные в Красную армию, покинули свои части и просто разошлись по станицам. Когда пришли немцы, они там снова «легализовались».

Значительной части местного населения удалось избежать эвакуации на восток, которую проводила отступавшая советская власть. Смогло оно уберечь от угона и свой скот. Даже молодежь никуда не

стала уезжать. Прибыв к нам, немцы повели себя достаточно бесцеремонно, не раскрывая при этом своих планов относительно будущего.

Я прожил тогда в Калмыцком районе Ростовской области⁵. [Не путать с Республикой Калмыкия; жители первого были донскими калмыками, а второй – северокавказскими. – *Примеч. инт.*]. Я стал жить как обычный колхозник в своей родной деревне. Крестьяне тащили себе все, что было можно – муку, скот и т. п. Советская власть попыталась заставить нас эвакуироваться и угнать скот и телеги на восток. Но едва тронувшись в путь, мы остановились, заявив, что нам надо «попасти» стада. Чтобы никто ничего не заподозрил, мы так и расположились, развернувшись на восток. Но как раз в этот момент подошли немцы, и мы смогли вернуться в свою деревню.

С осторожностью приблизившись к околице, мы стали расспрашивать у односельчан – как там немцы? В ту же минуту передо мной появился немецкий солдат. Одежда на мне была гражданская, но подпоясан я был красноармейским ремнем. Он подумал, вероятно, что я советский шпион, и ударил меня прикладом. Этот случай потряс меня до глубины души, ведь раньше меня никогда не подвергали побоям. Даже при советской власти никто себе ничего подобного не позволял. Меня переполнили злость и обида. Я вернулся к себе домой, испытывая какой-то животный страх. Родители пытались меня успокоить, как могли, уверяя, что все в порядке и не надо ничего бояться.

В одной из соседних деревень мой дядя – уже немолодой человек, пострадавший в прошлом от коллективизации, с приближением немцев на радостях привязал к палке белый платок и выбежал на дорогу их поприветствовать. Немцы назначили его старостой и выдали ему соответствующие бумаги. Потом они учредили также собственную комендатуру. В некоторых деревнях в старосты были выдвинуты опытные и знающие сельчане, в других же все обстояло иначе. По прошествии месяца или немногим более немцы устроили выборы старост, в которых приняли участие все главы семейств. В результате выборов многих местных управляющих сместили и избрали людей, в целом лучше разбиравшихся в хозяйственных вопросах.

В нашей деревне немецкие части не квартировали. Но нас обязали сдавать в пользу немцев продукты. Нормы сдачи молока, например, были выше, чем при советской власти.

При немцах можно было более свободно отмечать религиозные праздники и отправлять различные обряды. Например, часто стали совершаться религиозные свадебные обряды, которые при советской власти были запрещены. Такие браки заключали гэгэны, переходившие из деревни в деревню. Возобновились жертвоприношения

животных и другие буддистские религиозные церемонии. Старшее поколение в семьях прилагало большие усилия, чтобы привить молодежи религиозность и приучить молиться.

В районном центре у нас заседал бургомистр. Всякая торговля практически прекратилась. Газеты не выходили, и радио не работало; все типографии были выведены из строя. Да и вообще культурная жизнь сошла на нет. Поначалу не работали даже школы, но потом их вновь разрешили открыть. Преподаватели и ученики пользовались старыми советскими учебниками, но учителям были даны строгие указания пропускать разделы с явно марксистско-ленинским содержанием.

Кое-кто из членов партии и комсомольцев не уехал в эвакуацию, а остался на месте. Никаких настроений в пользу того, чтобы организовать партизанское сопротивление, среди нас не было. В нашей местности не действовал ни один партизанский отряд. Под оккупацией многие бывшие члены партии и комсомола занялись физическим трудом, чтобы таким образом восстановить свою репутацию в глазах односельчан. Я не скрывал того обстоятельства, что и сам раньше состоял в комсомоле. Поэтому мне также пришлось расстаться с моей прежней работой. Вообще безработица была очень высокой, и тем, кто не имел работы, приходилось тяжело. Повсюду происходили аресты. Например, кто-то донес на бургомистра, что тот зарезал и съел овцу. Немцы устроили ему за это порку: чины полевой жандармерии [Feldgendarmarie]⁶ отвесили ему 25 ударов хлыстом. Лишился он и своей должности. В крае имелась местная полиция, набранная из числа жителей района; народ шел туда главным образом, чтобы подзаработать.

Все думали, что советская власть ушла навсегда. Ходили слухи, что кое-где стали опять появляться старые эмигранты. Один из них действительно вернулся на родину – это был Шамба Балинов⁷, председатель национального калмыцкого комитета в Берлине⁸. Военнопленных калмыков немцы из лагерей не освобождали.

Если говорить о материальном положении населения, то при немцах дела обстояли намного хуже, чем раньше. Все спасались лишь теми запасами зерна и товаров, которые успели натащить себе в период хаоса и безвластия.

Немцы общались с местным населением при помощи переводчиков (по большей части русских). Они привезли с собой и кое-какой административный персонал, а также организовали у нас сельскохозяйственное управление [Landwirtschaftsamt]. Границы нашего района под оккупацией не изменились, и он, как и раньше, входил в состав Ростовской области.

С отступлением немцев началась стихийная эвакуация. Все страшно боялись жестоких репрессий после возвращения большевиков. Тогда уехала большая часть мужского населения, забрав с собой лошадей и повозки. В тот период стал формироваться также вооруженный отряд численностью около 3000 человек, куда включали даже стариков. При отряде находился немецкий офицер связи, но все команды отдавались по-русски. Это был тот самый калмыцкий кавалерийский корпус, который потом сражался в Польше⁹. Возглавил его немец, доктор Долль¹⁰, мягкий и интеллигентный человек, который многих вытаскивал из беды, если, к примеру, кто-то набедокурил по пьяному делу. Мы отступали потом через территорию Украины и Польши. Немцы в дела нашего корпуса особо не вмешивались. Но по сравнению с Красной армией, корпус не мог похвастаться строгой дисциплиной. Вообще в войсковых частях процветали фаворитизм и жестокое обращение. Какое-то время мы по-прежнему продолжали верить в то, что немцы смогут выиграть войну. Отряд наш находился под управлением Верховного командования восточных легионов¹¹.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ ПОД НЕМЕЦКОЙ ВЛАСТЬЮ (ИНТЕРВЬЮ 20)¹

Дата интервью: 30 сентября 1950 г.

В плен меня взяли около Вязьмы в октябре 1941-го и отправили в лагерь для военнопленных, располагавшийся неподалеку². Еды нам там не давали никакой и при этом заставляли работать на погрузке боеприпасов. Мне почти сразу удалось сбежать из лагеря. В первые дни оккупации повсюду царил хаос, и сделать это было довольно нетрудно. Раздобыв гражданскую одежду, я переоделся и незаметно улизнул. Спустя какое-то время меня остановил немецкий патруль и попытался снова отправить в лагерь. Но мне удалось как-то выкрутиться, и я отправился в родную деревню. Когда я попал наконец домой, а это было в ноябре 1941-го, никаких немцев в деревне не было. Позже они появлялись у нас время от времени, с ревом вкатываясь в деревню на машинах или грузовиках. Немцы грабили население, отбирая домашнюю утварь, личные вещи, порой прихватывали и кур. Наша деревня находилась в 180 км к западу от Москвы. Зимой 1941/42 г., в январе, несколько немцев разместились на постой в нашей деревне³.

Целых 15 месяцев наша деревня находилась в прифронтовой полосе. Вероятно, в какой-то момент немецкое командование издало приказ прекратить мародерство, и грабить в итоге стали меньше. Но кое-кто из солдат, как и раньше, грубо обращался с населением⁴. Немцы окончательно ушли в марте 1943 г. В то время я слег с тифом и должен был остаться в деревне.

Когда к нам вошла Красная армия⁵, прибывшие вместе с нею энкавэдэшники собрали всех мужчин в возрасте от 18 до 50 лет и отправили под военной охраной за 40 км, где располагался ближайший склад с оружием. После бесконечных допросов с использованием физических «аргументов» (я имею в виду жестокие побои) нас зачислили в штрафной батальон, который находился тогда в резерве. Спустя какое-то время нас бросили в бой. При первой же возможности я сдался в плен немцам. К моему большому удивлению за линией

фронта я увидел прежнего старосту нашей деревни. Обнаружились там и другие односельчане, которые, как оказалось, отступили вместе с немцами – их они, очевидно, боялись меньше, чем советскую власть.

Оттуда нас направили в Белоруссию, где по пути на нашу группу [очевидно, речь идет о группе хиви. – *Примеч. инт.*] напали партизаны. Трех они уложили прямо на месте, а мы вместе с остальными попытались укрыться в соседней деревне. Из своего убежища мы наблюдали, как к нам приближаются четверо партизан. Никаких немцев в округе не было и в помине. Тут мы заметили, что тут же рядом, в окопах от тех же партизан прятались деревенские женщины. Мы стали их упрашивать, чтобы они не выдавали нас партизанам. Действительно, когда заявили партизаны, женщины про нас ничего не сказали. По требованию партизан нам пришлось пойти с ними. Не прошли мы и ста метров, как они выстроили нас в шеренгу и приказали раздеться и разуться. Когда мы остались в одном нижнем белье, они устроили нам допрос – партизаны пытались выяснить, с какой стати мы работали у немцев в ремонтной роте. Мы в ответ попытались их убедить, что мы будто бы специально все так подстроили, чтобы сейчас уйти от немцев и вступить в партизанский отряд. В конце концов партизаны оставили нас в покое, вытащили из нашей немецкой машины водку и шоколад и отправились выпивать. В этот момент кто-то сообщил, что в деревне валяется немецкий пулемет. Партизаны пошли за женщиной, нашедшей его, и хотя он и был поломан, забрали его с собой. Пока все это продолжалось, показался немецкий танк и открыл стрельбу. Не дожидаясь, чем все закончится, партизаны повскакивали на лошадей и скрылись прочь. Вновь укрывшись в той же деревне, мы сидели там, пока поблизости не появилась колонна немецких машин. Тогда мы попытались опять примкнуть к немцам. Наше внезапное появление поначалу привело немцев в замешательство. Одна только наша гражданская одежда не могла не вызвать у них подозрений, тем более что неподалеку от деревни орудовали партизаны. Но в конце концов они решили взять нас с собой, приставив к нам на время вооруженную охрану. В итоге нас вернули обратно в наш отряд.

Если говорить о советской эвакуации, то первоначально из нашей деревни с советами ушли лишь три человека – те, кого обязали гнать на восток колхозный скот⁶. Все остальное население деревни осталось на своих местах, включая председателя колхоза. Так мы и пережили зиму 1941/42 г. Всего в деревне имелось 35 домохозяйств; партийных или комсомольских ячеек у нас не было. В первое время после прихода немцев их войска просто проезжали через деревню, не останавливаясь и ничего не трогая. Но вскоре крестьяне сами взялись растаски-

вать колхозное имущество, забирая себе коров, свиней, овец и птицу. До 1942 г. о немецких зверствах мы знали только понаслышке. Но потом немцы принялись и за нас, несмотря на то, что партизанских отрядов в нашей округе не было. Партизаны, в свою очередь, тоже не гнушались карать всякого, кого заподозрили в сотрудничестве с немцами. Именно поэтому многие потом решились уйти вместе с немцами. В соседней деревне я видел, как немцы повесили троих детей; их обвинили в краже у немцев ботинок и белья, которое те вроде как припасали для партизан.

Отец мой был из кулацкой семьи. Немцы назначили моего дядю деревенским старостой. Колхозы, однако, распущены не были⁷. Что меня озадачило в поведении немцев, так это то, что поначалу они занимались грабежами, а потом вдруг стали все больше помогать деревне. Они выписали из Германии новые плуги, которые раздали крестьянам в безвозмездное пользование. Линия фронта в этот момент находилась неподалеку от нашей деревни. Когда немцы ушли, у крестьян накопились уже такие запасы зерна, что их хватило бы еще на два года.

Когда до фронта оставалось километров шесть, вся наша семья слегла с сыпным тифом. Комендант попытался нам помочь и отвел все население нашей деревни подальше от фронта в другое село. Тем временем другие немцы, оказавшиеся в опустевшей деревне, забрали себе нашу корову и пчелиные ульи. Позже, в марте 1943-го, немцы окружили и сожгли нашу деревню, но никого из жителей к тому моменту в ней уже не было.

Осенью 1941 г. все думали, что немцы выиграют войну. Многие даже желали, чтобы все произошло именно так, так как верили, что немцы, одержав победу, рано или поздно все равно уйдут. Но после Сталинграда все покатило в обратную сторону, и немцы начали отступать. В нашей округе не было лесов, поэтому не было и партизан; партизанские отряды находились от нас километров за сто.

У нас в деревне крестьяне сами не слишком хотели распускать колхоз: какой был толк в частных хозяйствах, если для них не было ни скота, ни инвентаря? Но хотя колхоз и остался, трудодни были отменены, а урожай начали делить по числу едоков в семье. Все считали, что так будет справедливее. Крестьяне работали на совесть. Из наших колхозных бригадиров большинство были бывшими военнопленными, которым удалось бежать или которых немцы сами опустили по той или иной причине. Но были в числе бригадиров и дезертиры из Красной армии. Той зимой немцы привлекали население к различным работам, чаще всего к расчистке дорог от снега. Отказаться от этих работ было нельзя, но зато всем работавшим выдавали пайки.